

Глава 29. Таинственный ночной гость

Округ Линьцин, расположенный на слиянии рек Вэй и Хуэйтун, был оживлённым и процветающим портом. Водные пути отсюда вели на север — в Бэйпин, на запад — в Лоян, на юг — в Ханчжоу. Хотя это был всего лишь окружной центр, его называли перекрёстком тринадцати провинций.

Гарнизон Пиншань, охранявший всю префектуру Дунчан, основал здесь тысячество Линьцин, главной задачей которого было управление речным транспортом и обеспечение безопасности зернового пути по Великому каналу.

Управление тысячества располагалось на берегу реки Вэй. Его возглавлял цяньху Гэ Ляо, которому подчинялись два заместителя, десять сотников и один чжэньфу.

Тан Шицзин вошёл в ворота управления в сумерках. Несколько слуг, услышав о его прибытии, поспешили навстречу.

У стены-экрана он снял пояс сюньцзяня и скинул верхнюю одежду, которую тут же подхватил слуга. Другой облачил его в чёрный, расшитый золотом халат-иса с узором из полос, напоминающих шкуру леопарда, поправил головной убор и, опустившись на колено, затянул пояс и кожаные наручи. Третий слуга снял с него обычный клинок и торжественно прикрепил к поясу клинок Минхун.

Когда он дошёл до крытой галереи, слуги уже ждали его с зеркалом, медным тазом, полотенцем и мылом. Он вылил в горячую воду полфлакона растворяющего средства, наклонился и тщательно умылся, а затем медленно снял с лица тонкую плёнку. Вытерев влагу полотенцем, он поднял голову и посмотрел в зеркало. Отражение изменилось до неузнаваемости: перед ним предстало совершенно иное лицо, не имевшее ничего общего с Тан Шицзином.

Возможно, в очертаниях ещё угадывалось отдалённое сходство, но черты и само выражение принадлежали уже другому человеку — чжэньфу тысячества Линьцин, Сяо Хэну, Сяо Чубаю.

Из зеркала на него смотрел двадцатилетний мужчина. Первое впечатление, которое производил этот облик, было двойственным: с одной стороны — легкомысленный повеса, с другой — человек с глубоко скрытыми замыслами; смесь ветреника и интригана, в чьих глазах горел тёмный, потаённый огонь.

Сяо Хэн беспричинно улыбнулся своему отражению. Лёгкая усмешка скользнула по его губам, но в изгибе бровей, острях, как лезвия, застыла тень смертоносной ауры.

Бросив полотенце в таз, он прошёл по галерее и широкими шагами вошёл в главный зал. Опустившись на одно колено перед цяньху Гэ Ляо, сидевшим в кресле во главе стола, он доложил:

— Чжэньфу Сяо Хэн прибыл с докладом к господину цяньху.

Гэ Ляо, мужчина лет тридцати с лишним, с глазами леопарда и густой бородой, выглядел как крепкий воин, не лишённый хитрости. Увидев подчинённого, он приветливо сказал:

— Встань, Чубай, садись.

Сяо Хэн сел.

— Почему ты так внезапно вернулся, даже не предупредив? — спросил Гэ Ляо. — У князя Гаотана что-то случилось?

— Меня раскрыли, — ответил Сяо Хэн. — Личность «сюньцзяня Тан Шицзина» больше использовать нельзя. К счастью, я лишь отбросил хвост, моя настоящая личность не пострадала.

Брови Гэ Ляо, нахмурившиеся было при первых словах, разгладились.

— Жаль, конечно, столько трудов за полгода. Но и успехи есть, перед малым князем Лу будет чем отчитаться. В следующий раз просто сменишь личину.

Сяо Хэн кивнул:

— Я пока оставил Фан Юэ в округе Гаотан в качестве связного. Кроме того, я разузнал, что волнения в шахтёрских районах распространились из префектуры Цзинань на запад. Беженцы хлынули в округ Гаотан, но окружной судья Сюй закрыл городские ворота и приказал войскам разогнать их. Им некуда идти, они будут и дальше двигаться на запад в поисках спасения. Округ Линьцин в их глазах — земля обетованная. Господину следует быть начеку.

Гэ Ляо тоже слышал о волнениях в шахтёрских районах четырёх префектур Шаньдуна, но гарнизоны пока справлялись. Однако разбойники-сянма становились всё более серьёзной проблемой, особенно когда дело касалось «Кровавого Колокольчика».

Впрочем, его это не слишком беспокоило. Префект Цай не проявлял тревоги, малый князь Лу, Цинь Туань, спокойно сидел в Ляочэне, а ему и подавно не о чем было волноваться.

— Я понял, спасибо за труды. Кстати, из резиденции князя Лу пришло новое задание, как раз для тебя, — Гэ Ляо достал из-за пазухи запечатанное письмо и протянул ему.

Сяо Хэн подошёл, взял послание, внимательно прочитал и сжёг его в пламени светильника на столе.

— Я сделаю всё возможное, — сложив руки, сказал он. — Немедленно отправляюсь в Ляочэн.

— Не торопись, — ещё более приветливо кивнул Гэ Ляо. — Ты устал с дороги, отдохни ночь, а завтра отправишься на корабле.

Когда Сяо Хэн вышел из зала, его уже ждал слуга с фонарём, чтобы проводить в отдельный двор рядом с управлением.

По дороге он встретил заместителя цяньху Ли, который шёл к командиру с двумя сотниками. Сяо Хэн лишь обменялся с ним формальным приветствием и пошёл дальше.

В тысячестве Линьцин, возможно, кто-то и знал правду, но боялся говорить вслух: заместители были лишь руками Гэ Ляо, сотники — его рабочим скотом, а самый низший по должности чжэньфу — его истинным доверенным лицом. Что до тысячи солдат под его началом, то они не были даже сторожевыми псами — они были расходным материалом.

В резиденции князя Гаотана Цинь Шэнь получил приказ от Цинь Туаня явиться в Ляочэн на аудиенцию.

Приказ доставил тот же чжанши Цюй Цзин, который с любезной улыбкой сказал:

— Третий князь, вы, кажется, совсем поправились. Князь Лу будет очень рад вас видеть.

В это время Цинь Шэнь сидел в беседке у пруда с лотосами и, любуясь цветами, слушал, как девушка-певица, прислонившись к перилам, играет на пипе нежную и томную «Песнь о сборе лотосов». Он постукивал веером по столу в такт музыке, но выражение его лица оставалось холодным, а во взгляде застыла тень меланхолии.

— Второй брат скучает по мне, и я, конечно же, приеду к нему со всей семьёй. Но почему он вдруг заговорил о свадьбе?

— Вам уже двадцать три, а вы до сих пор не взяли в жёны законную супругу, — ответил Цюй Цзин. — Князь, как ваш старший брат, конечно же, беспокоится и уже давно подыскивает для вас подходящую партию в своих владениях. Вот и представился удобный случай. Вы приедете с двумя вашими дамами и юным княжичем, во-первых, порадуете княгиню Лу, у которой нет своих детей, а во-вторых, выберете себе достойную спутницу на роль главной супруги. Как только вы сделаете выбор, князь представит её имя в Ведомство по делам императорского клана, двор одобрит, и можно будет сыграть свадьбу. Что может быть лучше?

На лице Цинь Шэня застыло безразличие.

— Хорошо. Завтра и отправлюсь.

Стоявший рядом левый чжиши из резиденции князя Гаотана встревожился:

— Князь, это путь в несколько сотен ли, неважно, по суше или по воде. Нужно подготовить и свиту, и охрану, и слуг, и припасы... А раз с вами едут дамы и юный княжич, то и о них нужно позаботиться.

— Сколько времени нужно на подготовку? — спросил Цинь Шэнь.

— Как ни торопись, не раньше чем через семь дней, — ответил чжиши.

Цинь Шэнь повернулся к Цюй Цзину:

— Он говорит — семь дней. А вы как думаете, чжанши Цюй?

— Конечно, конечно, — поспешил согласиться собеседник. — Я подожду семь дней и отправлюсь вместе с третьим князем.

— Мне двадцать три, а не три года, — возразил Цинь Шэнь. — Бойтесь, что я потеряюсь и меня нужно провожать?

— Вовсе нет... Просто я слышал, что в соседней префектуре беспокойно, и подумал, что дополнительная охрана в пути не помешает.

— Тогда пусть ваш отряд сразится с моей стражей. Если победите, значит, моя защита слаба, и мне действительно нужна ваша помощь.

Цюй Цзин был в замешательстве.

«Он — цзюньван. Если он нарушит своё слово, то не только ослушается приказа старшего брата, за что его ждёт наказание по закону, но и станет посмешищем при дворе. Этот князь Гаотан хоть и выглядит полумёртвым и непредсказуемым, но никогда не совершал безрассудных поступков. Если я буду слишком настойчив и не оставлю ему даже этого, боюсь, всё обернётся против меня»

Приняв решение, он сложил руки и сказал:

— Это я, в нетерпении желая скорейшего воссоединения семьи князя Лу, поторопился. Поступайте так, Ваше Высочество: готовьтесь к отъезду, а я отправлюсь в Ляочэн вперёд, чтобы по пути организовать временные почтовые станции и очистить дорогу от посторонних,

дабы вас не беспокоили. Вы поедете по суше или по воде?

Цинь Шэнь подумал и ответил:

— Хотя по воде быстрее, поедем по суше. Моего мальчишку укачивает, если он будет всю дорогу до Ляочэна блевать, то и помереть может. Не придётся ли нам вместо свадьбы устраивать похороны?

Он говорил о смерти так буднично, что Цюй Цзину стало неловко продолжать уговоры. Он согласился и откланялся.

Цзян Ко, проводив отряд чжанши за пределы Гаотана, вернулся к Цинь Шэню:

— Князь, вы действительно собираетесь везти двух дам и юного наследника в резиденцию князя Лу? Это не просто пир в Хунмэне, это паучье логово, где уже расставлена сеть!

— Я и сам знаю, — ответил Цинь Шэнь. — Но если я не поеду, это будет означать открытое неповиновение. Второй брат не сможет ничего сделать мне напрямую, но ему достаточно будет отправить донесение ко двору, и у императора появится повод наказать меня.

— Неужели император лишит вас титула только за то, что вы отказались ехать в резиденцию князя Лу?

— Но он может лишит меня удела. Сейчас я — цзюньван отдельного города и имею хоть какую-то свободу действий. Если же он лишит меня земель, мне придётся жить в одной столице с князем. Всех вас, моих чиновников и стражников, распустят, и вот тогда я окажусь в настоящей тюрьме! Второй брат так настойчив именно потому, что добивается этого.

Цзян Ко так сжал рукоять клинка, что металл заскрипел.

— Он хочет медленно задушить свою жертву, — процедил он сквозь зубы. — Думаю, малый князь Лу наслаждается этим процессом!

Цинь Шэнь закрыл глаза и тут же открыл их:

— Он тоже так говорил.

— Он? — задумался Цзян Ко. — Господин Еян?

— Дорогу починили? — спросил Цинь Шэнь.

— Ещё нет, но, думаю, скоро.

— Приготовь лёгкую повозку и поезжай тайно в Сяцзинь. Пригласи его ко мне.

Цзян Ко согласился и собрался было уходить, но Цинь Шэнь остановил его:

— Постой... лучше я сам поеду.

Еян Цы заключил Фан Юэ в тюрьму ямэня, приказав тюремщикам хорошо за ним присматривать: не обижать, но и не баловать.

Фан Юэ, очнувшись, начал ругаться, и ему заткнули рот кляпом. Ли Тань по поручению Еян Цы пришёл к нему:

— Будешь и дальше нести чушь, твоему начальнику, Тан Шицзину, тоже не поздоровится.

Заключённый, со связанными за спиной руками, что-то промычал. Ли Тань вынул кляп.

— С сюньцзянем Таном всё в порядке? — спросил тот. — Небольшое недоразумение, словесная оплошность, всё ведь уже выяснили. Зачем же господин уездный судья так поступил!

«Всё ещё притворяется», — с усмешкой подумал Ли Тань.

Напустив на своё юное лицо суровость, он сказал:

— Тан Шицзин сбежал! А перед побегом ещё и пустил стрелы в Го Сысяна и стражников, чуть не убив их. Ты — его доверенное лицо. Господин не казнил тебя, а лишь заключил под стражу до суда, это уже великая милость.

У Фан Юэ перехватило дыхание.

«Как же господина чжэньфу раскрыли? — подумал он. — Или это только личность Тан Шицзина раскрыта, а его настоящее имя осталось в тайне?»

Видя, что тот замолчал, Ли Тань не стал снова затыкать ему рот. Уходя, он пригрозил:

— Сиди тихо! Иначе язык тебеотрежем и жилы на ногах перережем.

— Маленький, а такой злой и жестокий, — плюнул ему в спину пленник. — Небеса тебя покарают.

Ли Тань, выйдя из тюрьмы, направился в зал для совещаний, чтобы доложить хозяину, но Еян Цы там не оказалось. Он обыскал весь ямэнь и, дойдя до жилых покоев судьи, увидел, что задние ворота открыты, а у них бесшумно стоит повозка.

Была глубокая ночь, фонари не горели. Несколько человек в плащах с капюшонами вышли из повозки и под предводительством Еян Цы тихо прошли через двор, по галерее и вошли в главный дом.

Ли Тань с любопытством подошёл и тихо сказал хозяину:

— Господин, я всё сделал.

Еян Цы кивнул и напутствовал его:

— Никому не говори о том, что видел сегодня.

— Будьте спокойны, хозяин, я знаю цену молчанию, — горячо закивал юноша.

— Хоть ты и болтливее Ломо, — Еян Цы потрепал его по голове, — но я знаю тебя с детства и доверяю тебе.

Глаза Ли Таня покраснели, и он, как в детстве, потянул его за рукав. Еян Цы улыбнулся и велел ему ждать на галерее и никого не пускать.

<http://bllate.org/book/15875/1442528>